

Старший научный сотрудник
Мемориального
музея-квартиры Ю.П. Спегальского,
Кузьменко М.А.

Николай Николаевич Воронин о первой книге Юрия Павловича Спегальского

Последний «День Памяти» Юрия Павловича Спегальского (17 января 2013 г.) был посвящен истории взаимоотношений выдающегося исследователя Древней Руси Николая Николаевича Воронина (1904-1976 гг.) с Ю.П. Спегальским и О.К. Аршакуни.

Прежде чем приступить к публикации автографов великого ученого (писем и стихов), хранящихся в Музее-квартире Ю.П. Спегальского, мы предлагаем читателю его рецензию на первую книгу Ю.П. Спегальского «Псков. Историко-художественный очерк. «Искусство», Л.–М., 1946», опубликованную в журнале «Советская книга» №2 в 1947 г., давно уже ставшую библиографической редкостью, как и книга Ю.П. Спегальского.

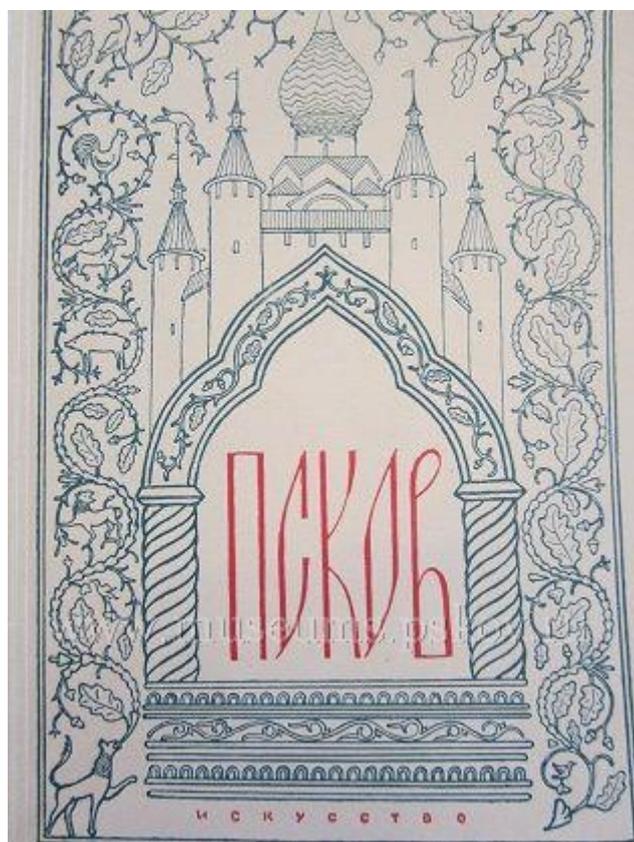
Высокая оценка первой книги Ю.П. Спегальского ученым, занимающимся историей Древней Руси, была вдохновляющей для Юрия Павловича. Напомним читателю, что к этому времени Н.Н. Воронин опубликовал уже работы, в которых значительное место отводится Пскову. Это статья «У истоков русского национального зодчества» Архитектура СССР., Выпуск 5, 1944 г., и книга «Древнерусские города. АН СССР, Л.-М., 1945».

Владимирец по происхождению, занимающийся Владимиро-Суздальским зодчеством, Н.Н. Воронин рад был приветствовать появление в науке о псковской архитектуре псковича.

М.А. Кузьменко, старший научный сотрудник Мемориального музея-квартиры Ю.П. Спегальского.

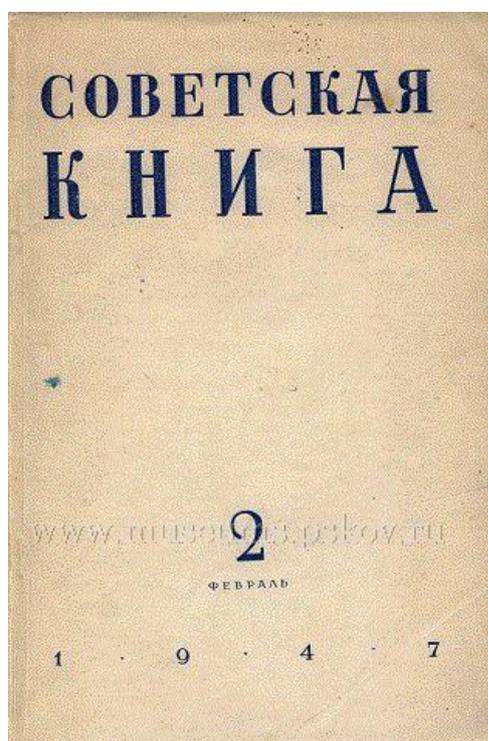

Ю.П. Спегальский, 1945 г.

Н.Н. Воронин

*Ю.П. СПЕГАЛЬСКИЙ. ПСКОВ. (Историко-художественный очерк).
«Искусство», М.-Л., 1946.*

В годы Великой Отечественной войны возрос интерес к культурным сокровищам нашей страны и памятникам её прошлого, к её древним городам. Он не ослабевает и теперь. Появилось значительное количество книг, брошюр, статей, посвященных этим темам и призванных удовлетворить растущие запросы советского читателя. К числу таких изданий относится и рецензируемая книжка о древнем Пскове. Её автор — молодой архитектор Ю.П. Спегальский, пскович родом, знаток старины родного города, горячо любящий его памятники.

Автор правильно назвал свою книжку историко-художественным очерком. Во вводных страницах дана общая характеристика Пскова как города-музея, хранилища выдающихся памятников культуры. Далее следует описание старого города в целом, его древней топографии, пейзажа, благоустройства, быта и хозяйственной деятельности. Весь разнородный материал автор сумел слить в яркой, обобщающей картине, проявив литературное умение и почти не погрешив против сухих и точных исторических фактов. В этом ему помогает детальное знание города, его природы и памятников; поэтому читатель не испытывает недоверия к Автору, когда он то освещает исторический пейзаж Пскова солнцем лета, то показывает его в дни осени и зимы. Некоторым увлечением является сопоставление Пскова с городами Западной Европы в отношении санитарии и гигиены и утверждение, что Псков XVI—XVII вв. был в этом смысле несравненно выше (стр. 12).

С той же выразительностью написана глава третья, о военном прошлом Пскова, где автор счастливо избежал трафарета, вновь развёртывая достаточно известные страницы боевой истории города и найдя новые краски и средства, чтобы увлечь читателя. Свежо и уместно подчёркнуты здесь выработанные историей высокие качества характера и нрава псковичей: их героизм, неподкупная честность, самоотверженность терпимость, сердечность и мягкость, которые, по правильному замечанию автора, придают особый

интерес изучению псковской старины, отразившей в полной мере эти черты русского человека (стр. 25).

Четвёртая глава, посвященная искусству Пскова, как по объёму (стр. 30—53), так и по содержанию занимает главное место. По существу, она посвящена зодчеству, так как остальные отрасли искусства только упомянуты. Интересны строки о деревянной резьбе, керамическом производстве и особенно псковских изразцах (стр. 31—32). Очерк псковской архитектуры представляет не только популярное изложение темы, но содержит также свежие научные мысли и наблюдения.

В первую очередь нужно отметить страницы, посвященные гражданскому зодчеству XVII в. (стр. 45—52). Автор знакомит читателя с памятниками жилищного строительства позднего Пскова, обстоятельно восстанавливая их первоначальный облик и подчёркивая характерные особенности. Он показывает разнообразие плановых решений жилищ, различное оформление крылец, сочетание дерева в верхнем и камня в нижнем этажах, продуманность деталей постройки с точки зрения бытовых удобств, принцип живописной композиции дома и усадьбы, лаконичность декоративного убранства и другие частные стороны жилой архитектуры. Однако едва ли можно согласиться с автором, что различие типов зданий говорит о разных артелях мастеров (стр. 45 и 47).

Этот раздел книжки даёт, пожалуй, первую в нашей литературе по полноте общую характеристику гражданской архитектуры Пскова. Следует пожелать, чтобы этот эскизный текст был развит в самостоятельное исследование, снабжённое всеми графическими материалами.

Со знанием дела автор рисует эволюцию псковского церковного зодчества (стр. 35—45). Здесь несколько сказывается свойственная автору, но оставленная наукой переоценка «псковской» самостоятельности в некоторых архитектурных приёмах. Например, Ю.П. Спегальский приписывает псковским зодчим устройство приделов, тогда как это имело место в Смоленске, Чернигове, Владимире и других городах ещё в XII — XIII веках.

Также нельзя теперь говорить, что псковичами «изобретены» ступенчатые оводы, и целиком связывать с Псковом «первоначальную форму» пирамидального верха из рядов закомар (стр. 37). Это явление имеет не местнопсковское, но общерусское, а может быть, и общеславянское значение. Однако эти частности не уменьшают научного интереса очерка псковской архитектуры. В нём, к сожалению, уделено крайне мало места (стр. 52—53) крепостной архитектуре Пскова.

Многие наблюдения автора над зодчеством Пскова поучительны и для современного строительства. Таковы, например, замечания о материале и форме, о древних принципах градостроительства и другие: «Искусство псковских мастеров дало красоту такому простому и грубому материалу, как известковая плита и штукатурка... Псковичи доказали, что тяжёлая плитная кладка может казаться лёгкой, когда удачно найдены её формы и пропорции, что небольшие по размерам постройки могут производить величественное впечатление...» (стр. 35). «Пользуясь блестящими каменными постройками, как драгоценными украшениями, подчёркивая то, что давала природа, чередуя их с зеленью и деревянной застройкой в городе, псковские мастера достигали самыми простыми средствами результатов, достойных удивления» (стр. 36).

Важнейшая черта русского градостроительного искусства — органическая связь архитектуры и пейзажа — не раз показана на материале Пскова.

Автор, архитектор по специальности, естественно, отдал большую долю своего внимания памятникам зодчества. Всё же нельзя не упрекнуть его в том, что о псковской живописи он почти ничего не сказал: остатки псковских росписей только перечислены, а одни лишь снетогорские фрагменты дают много для характеристики псковского искусства и его связей с общерусскими художественными течениями. Столь же незаслуженно обойдено почти полным молчанием псковское летописание с его своеобразным содержанием и литературным колоритом; да и вообще литературное наследие Пскова значительно богаче, нежели это представлено (стр. 31). Нельзя было миновать

и вопроса об ересях, освещение которых значительно обогатило бы характеристику культуры «вольного города».

«Краеведческий» уклон автора и понятное стремление поднять на щит культуру и искусство «самобытного» Пскова несколько искажают реальную историческую перспективу и связь Пскова с историей и историей культуры древней Руси.

Так, Ю.П. Спегальский почти совсем не говорит о памятниках Пскова XII—XIII вв., которые раскрывают его причастность к византийско-киевскому наследию, какова, например, знаменитая роспись Мирожского собора и самая архитектура этого храма, почти уникального в истории русского зодчества. Как Мирожжа, так и собор Ивановского монастыря позволяют осветить и роль новгородских образцов в ранней псковской архитектуре. Указано, что мирожская роспись «относится к тому периоду, когда искусство Пскова только начинало зарождаться, и не может характеризовать его самостоятельного периода» (стр. 33), и на этом основании памятник обойдён молчанием. Без рассмотрения, по тем же причинам, остаётся и архитектура Мирожского, Ивановского и Снетогорского монастырских соборов (стр. 40). Однако название книжки — «Псков», и автор не вправе лишать читателя знакомства с древнейшими памятниками города.

Точно так же и в истории позднего Пскова очень слабо подчёркнут большой перелом в жизни города, связанный с присоединением Пскова к Москве, с превращением из «областного» центра в город Русского национального государства. Эта тема отражена в очерке военно-политической истории Пскова (стр. 21—25), в отношении же искусства и культуры Ю.П. Спегальский как бы стремится и в XVI—XVII вв. выдвинуть псковские архаизмы за счёт новых явлений. В истории псковской крепости он не отделяет собственно псковских инженерных мероприятий от построек московского правительства, каковы, например, «водобежные решетки» на р. Пскове, построенные присланным из Москвы «фрязином»; знаменитый в

истории Пскова московский дьяк Мисюрь Мунехин, строитель Гремячей башни над Псковой, вовсе не упомянут.

В связи с отсутствием чёткого исторического членения очерка (Псков до 1348 г., период самостоятельности 1348—1510 гг., Псков в составе Русского государства) Псков предстаёт перед читателем как бы «сам в себе» — всегда «самобытным» и, пожалуй, несколько ограниченным. Яркое изображение городской жизни, данное на стр. 9—15, относится к Пскову XVI—XVII вв. — городу Русского государства,— поэтому она так кипуча, насыщена и колоритна. Новшества псковских живописцев XVI в., взволновавшие умы и возбуждавшие споры (стр. 34), не были плодом псковского происхождения и местного вольнодумства этих иконников: они явились результатом тех сдвигов в области идейной жизни, которые прежде всего нашли себе место на почве Москвы. Точно так же гениальный пскович Постник Яковлев стал творцом Василия Блаженного не только потому, что он был наследником псковских зодчих, но главным образом потому, что он творил в горниле строительства национальной культуры — Москве (стр. 42). Нельзя было также не подчеркнуть роль общерусских архитектурных вкусов, говоря о таких памятниках XVII в., как Снетогорская колокольня или Троицкий собор (стр. 43). Едва ли можно характеризовать как «псковскую» фасадную декорровку «дома Яковлева» (палат Меншикова), тогда как его наличники явно московских форм, но исполнены в «псковском материале» (стр. 39).

Показ темы — отношений Пскова и Москвы — должен был быть усилен и сделан предельно выпуклым; без этого местный «псковский» колорит делает неразличимыми важнейшие этапы истории культуры и искусства Пскова и слишком раздвигает рамки их «самобытности».

В истории захудания Пскова XVIII в. автор отмечает: «Не одно время разрушило древний Псков. Гораздо большую роль сыграло презрение и враждебность ко всему русскому, проявленные невежественной неметчиной, которая, потеряв надежду покорить Русь мечом, заполняла её всякими Биронами, Минихами, Остерманами и другими, менее известными немцами...

Считая русское искусство мужицким, иностранный аристократия была не только равнодушна к нему, но враждебна, стремилась его изгнать, уничтожить и заменить его «европейским» (стр. 55).

В заключительной главе характеризуется ущерб, причинённый Пскову немецкими захватчиками в период Великой Отечественной войны, и намечаются задачи восстановления древней красоты города, исправления ошибок планировки XVIII—XIX вв., раскрытия и реставрации псковских памятников.

Язык книжки гибок и образен. Изложение проникнуто чувством горячей любви к городу, гордостью его славной боевой историей и сознанием величия его вклада в сокровищницу русской культуры. Автор умеет заразить патриотическим чувством читателя, умеет передать ему те волнующие переживания, которые возбуждает своеобразная красота псковской архитектуры. В этом большая заслуга Ю.П. Спегальского.

Положительно оценивая текст Ю.П. Спегальского, мы никак не можем одобрить принадлежащее автору графическое оформление книжки. Её обложка, представляющая довольно нелепое сочетание какого-то киота с условным изображением псковского кремля с его собором в обрамлении грубоватого орнамента, являет дурной образец «ложнорусского» стиля, свойственного лубочным изданиям дореволюционных времён. Так же едва ли стоило вводить в качестве заставок к главам вольные архитектурные композиции из различных псковских памятников, — было бы лучше использовать орнаментальные заставки из старых псковских рукописей. Иллюстрации к книге подобраны хорошо, жаль, что их мало; к ним, к сожалению, относится обычный для наших изданий упрёк в низком качестве тонового клише.